

Общая му. -

30 июня в Музее изобразительных искусств имени Пушкина, в филиале личных коллекций открылась выставка французского художника Бориса Заборова. 1995, 13 июля, с. 77.

Если уместно линию судьбы художника изобразить географически, то на ней обязательно должно обозначить четыре города. Борис Заборов родился и вырос в Минске. Здесь его, шестилетним мальчишкой, застала война. Отец, художник Абрам Заборов воевал на фронте. Семья матери погибла в нацистском концлагере.

В Санкт-Петербурге Заборов поступает в Академию художеств. Затем — переезд в Москву, где он заканчивает институт имени Сурикова. И вновь Минск, где художник живет вместе с семьей, работает над иллюстрациями к Достоевскому, Пушкину, Шекспиру. Местные власти буквально выталкивают Заборова в эмиграцию.

Последние пятнадцать лет он живет и работает в Париже. Тут, в галерее Бернара состоялась его первая персональная выставка. Потом были выставки в Дармштадте, Нью-Йорке, Токио... Работы Заборова есть в музее имени Пушкина, в Центре изобразительных искусств в Англии, в музее «Альбертина» в Вене, во многих частных коллекциях и галереях.

Произведения из этих коллекций и представлены на выставке живописи и графики Заборова. Она была организована галереей Энрико Наварра с помощью российского Министерства культуры и посольства Франции в Москве.

В картинах Заборова легко увидеть сходство со старыми, как бы подернутыми пеленой времени фотографиями. Но это нечто большее, чем художественный прием. Возможно, ключ к пониманию сокровенного смысла многих картин Заборова содержится в его воспоминаниях, написанных в прошлом году в Париже и включенных в прекрасно изданный каталог выставки.

Заборов рассказывает, как однажды в молодости он вместе с приятелем зашел в деревенскую хату — попросить молока. Было это в Белоруссии, километрах в двухстах к западу от Минска: «Неподвижно лежащий на спине старик с резко запрокинутым вверх лицом и сложенными на груди руками. Умирающий или уже скончавшийся — было неясно. На лавке, рядом со стариком — такая же в своей неподвижности старуха, смотрящая в одну, только ей видимую точку.

Окончательно привыкшие к темноте глаза заметили висящую на стене фотографию...

Изображение на этой фотографии поразило меня, придав всему происходившему смысл, полный мистицизма. На ней была запечатлена сцена почти зеркально отражающая ту, которая развернулась перед моими глазами. На переднем плане на соломенном тюфяке, покрытом белой простыней, лежит покойный. В его сложенных на груди руках — свеча. Его лицо строгим профилем смотрит вверх. Он одет в тройку покроя тридцатых годов. На втором плане, у его изголовья, женщина. Она держит в руках фотографию в широкой деревянной раме. На ней — покойный в молодости, с бантом в петлице; очевидно — времен их свадьбы. Слева от нее два юноши. И с краю, в ногах, старуха».

Много лет спустя художник случайно найдет эту (или похожую?) фотографию, разбирая старые вещи у себя в мастерской в Париже. И в этот момент, как пишет Борис Заборов, две его жизни — прежняя и нынешняя — как бы воссоединились. Здесь, в Париже, художник чувствовал себя по-настоящему одиноким. В своей автобиографии он признается: «С этим, новым для меня, миром, у меня не было ни одной нити связи. Кроме той таинственной, которой каждый человек прикрепляется ко всему человечеству».

Найти эту таинственную нить и явить ее миру, по-видимому, дано лишь большому художнику.

Виталий ТАРАС